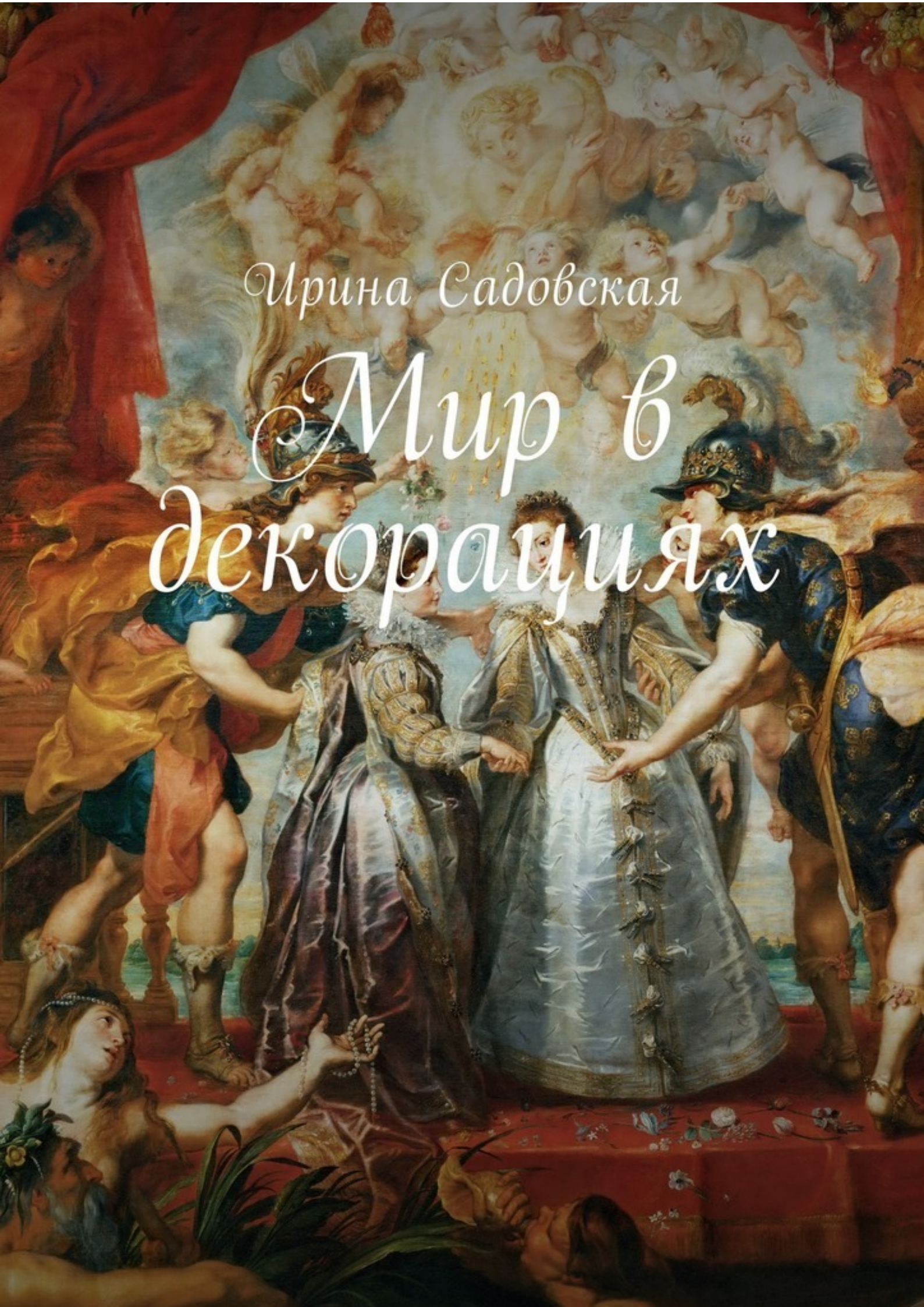

Ирина Садовская

Мир в декорациях

Ирина Садовская

Мир в декорациях

«Издательские решения»

Садовская И.

Мир в декорациях / И. Садовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902227-1

Это вторая книга Ирины Садовской, здесь собраны рассказы разных лет, сказки, исторические миниатюры, а также детективная повесть «Дневной экспресс». Ее персонажи — следователь Виктор Анциферов и его коллеги — знакомы читателю по произведению «Смерть короля».

ISBN 978-5-44-902227-1

© Садовская И.
© Издательские решения

Содержание

Исторические миниатюры	6
Бонапарт (Часть 1)	6
Бонапарт (Часть 2)	10
Людовик XIV (Часть 1)	13
Людовик XIV (Часть 2)	19
Моцарт	23
Ирландский лжец	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мир в декорациях

Ирина Садовская

Редактор Дмитрий Бушный

© Ирина Садовская, 2019

ISBN 978-5-4490-2227-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исторические миниатюры

Бонапарт (Часть 1)

В то время, когда на престол Франции взошел последний из династии Бурбонов Людовик XVI, на маленьком острове Корсика беззаботно резвился мальчик по имени Наполеон.

Семья Буонапарте происходила из древнего флорентийского рода, с XII века эту фамилию носили знатные патриции, жившие в процветающей Флоренции. Предки Буонапарте были свидетелями расцвета Возрождения и, возможно, были хорошо знакомы с Данте и Савонаролой, Микеланджело и Боттичелли, Америго Веспуччи и Макиавелли. Все эти великие флорентийцы жили в одно с ними время. Постепенно род Буонапарте обнищал, и некоторые из них переселились на тогда еще итальянскую Корсику. Новая ветвь фамилии Буонапарте пустила здесь свои корни. Французы захватили Корсику за год до появления на свет Наполеона.

Карло и Летиция Буонапарте выбивались из сил, но жизнь их была крайне тяжелой. Дети росли почти в нищете. Отец позаботился о том, чтобы выправить бумаги по поводу их знатного происхождения, и сыновей удалось пристроить в престижные учебные заведения. Сначала Наполеон учился в военном училище в Бриенне, затем в Парижской военной школе. Учителя отмечали его прилежание, особенно по военной дисциплине. С трудом разбирая латынь, мало интересуясь философией, и совершенно неспособный к иностранным языкам, он скрупулезно изучал военное дело. Тогда никому не могло прийти и в голову, что ничем не примечательный мальчик по имени Наполеон Бонапарт впоследствии перевернет одну из самых драматических страниц истории Европы.

Сейчас трудно понять, как всего за несколько лет этому невзрачному, почти нищему корсиканцу удалось стать императором Франции. Несомненно было лишь одно: он обладал незаурядными военными способностями. И Наполеон решил попытать счастья во Франции.

В то время монархия была сметена, и к власти пришли якобинцы. У Наполеона было хорошее чутье и интуиция. Он всегда вовремя появлялся в нужном месте и сразу же оказывался в центре событий. Прирожденный игрок, он мгновенно оценивал обстановку и умел предвидеть результат, умел рисковать и идти ва-банк. Увлечен революционными идеями якобинцев, но ровно настолько, насколько можно было использовать революцию как трамплин. Умело заводя знакомства с нужными людьми, он начал стремительное продвижение по службе, от младшего военного чина постепенно продвинулся до бригадного генерала. Его талант был замечен Республикой, и Наполеона Бонапарта посылают воевать в Италию. Здесь он проявляет себя не только как отличный военачальник, но и искусный дипломат. Его популярность в армии растет. После Италии был неудачный поход в Египет и Сирию, где столкнулись интересы Англии и Франции. Сегодня о пребывании Наполеона в Египте напоминает лишь обелиск Луксора на площади Согласия.

После того как во Франции произошла Великая революция и Людовик XVI был сброшен с престола, страну захлестнула волна террора. Новое республиканское правительство якобинцев потопило Францию в крови. Бесконечная цепь репрессий и убийств повергла страну в ужас. Ненавистная монархия была свергнута, на смену ей пришла власть республиканцев, сметающих на своем пути все, что могло помешать удержать власть. Все дерзкие и великие замыслы были тотчас забыты, как только дело дошло до дележа добычи. Началась грызня и новая борьба за власть. Вчерашние якобинцы, люди неукротимой энергии и мужества, переродились из революционеров в тиранов и убийц, в погоне за наживой истребляя друг друга. Революция переросла в страшную игру, в которой каждый находился под прицелом, а страна погрузилась в еще большую нищету и полнейший хаос. Всем до тошноты надоели патриотиче-

ские призывы, голодные бунты и убийства. Народ хотел просто иметь работу и хоть какую-то надежду на стабильность и порядок в стране. Нужна была сильная рука, которая бы остановила непрекращающуюся бойню и вывела Францию из состояния шока.

Это был звездный час Наполеона Бонапарта. Вчерашний якобинец, тем не менее он понял, что путь этот исчерпан. И как только он это понял, тут же повернулся к революции спиной. Неудачный поход в Сирию и Египет сделали его имя популярным в военных кругах, он пользовался непререкаемым авторитетом среди военных и репутацией человека, умеющего повести за собой массы.

Именно в этот исторический отрезок времени гений Бонапарта проявился в полной мере, именно ему обязана Франция наведением порядка в стране в кратчайшие сроки и прекращению террора. При его непосредственном участии был совершен государственный переворот, в результате чего революция была наконец задавлена, а Бонапарт получил должность первого консула. Порядок в стране был наведен с молниеносной скоростью. Прежде всего Наполеон поставил под контроль прессу. Из 173 газет он закрыл 160, а оставшиеся 13 поставил под контроль правительства. При нем была создана мощная полиция и разветвленная тайная служба. По сути это была диктаторская власть.

Монархисты, вернувшиеся в Париж, попытались устранить Наполеона, организовав на него покушение. Это случилось в тот день, когда он, приехал в «Гранд-Опера» послушать Гайдна, и это удовольствие едва не стоило ему жизни. Почти совсем рядом с его каретой разорвалась бомба. Наполеон чудом остался жив. Хорошо понимая, что мешкать нельзя, иначе власть и влияние ускользнут из рук, он в скором времени провозгласил себя императором Франции. Коронация проходила в соборе Нотр-Дам в присутствии папы римского.

С этого момента для Наполеона началась совсем другая жизнь. Скорее всего, стать императором Франции было неизбежно, но облачиться в горностаевую мантию после такого героического прошлого...

Наполеон уверовал в свою исключительность, а это одно из самых опасных человеческих заблуждений. Это всегда особенно жаль, когда дело касается человека талантливого и незаурядного. Точнее всех сказал об этом Генрих Гейне: «Безусловно, люблю я его лишь до восемнадцатого брюмера (9 ноября 1799 г. – *И. С.*) – в этот день он предал свободу. И сделал он это не по необходимости, а из тайного влечения к аристократизму...»

Если на полях сражений он проявил себя как гениальный полководец, то светский человек из него не получился. Он завел роскошный двор, воссозданный им по образцу версальского, стараясь ни в чем не уступать настоящим королям, но этикет наполеоновского двора был жалок и неуклюж. Графиня Потоцкая, свидетельница придворной жизни при Наполеоне, вспоминала, что «каким бы великолепием ни поражал на расстоянии двор Наполеона, он не выдерживал никакой критики при близком рассмотрении... Это было в высшей степени абсурдное зрелище. Можно было подумать, что вы присутствуете на репетиции какой-то грандиозной постановки и актеры вокруг вас примеряют костюмы и разучивают роли».

Наполеон старательно играл роль императора, пытался прикрыть свои недостатки дорогими нарядами, но человек, чье босоное детство прошло в спартанской обстановке, неуютно чувствовал себя в светских салонах. Его манеры держать себя были манерами слона в посудной лавке. Они были тем более неловкими, чем больше он старался не допустить промаха. И тут сказывался не только недостаток воспитания – натура рубаки выдавала в нем человека грубого и необразованного. Наполеон считал своим долгом лично высказывать свои неудовольствия дамам, чьи наряды ему не нравились и он считал их безвкусными. Он закатывал им такие разносы, словно перед ним были солдаты, а не представительницы прекрасного пола. Словом, придворная жизнь больше раздражала Наполеона, чем доставляла удовольствие, а для окружающих превращалась в ежедневную пытку.

Отдельную головную боль Наполеону доставляла и его многочисленная родня. Его братья и сестры, не обладая никакими талантами, делали все, чтобы усложнить ему жизнь. Семейственность у корсиканцев в крови, и, надо сказать, Наполеон никогда не забывал о своих родственниках. Для начала он их всех собрал и раздал ключевые посты. Семья состояла из семерых человек. За исключением строптивца Люсьена, который не захотел подчиняться Наполеону, все остальные братья стали королями. Жозеф – неаполитанским, Людвиг – голландским, а Жером – королем новообразовавшегося государства Вестфалия. Сестер он тоже хорошо пристроил: Элизу и Каролину – сделал великими герцогинями, Полину – княгиней. Некоторое время спустя муж Каролины, Мюрат, тоже стал королем. Таким образом, в семье было четыре коронованные особы, не считая Наполеона. Никто из большой и некогда нищей семьи не был обижен.

Таким ярым бездельникам, какими были братья и сестры Наполеона, привалила удача, которая и не снилась. Корсиканская семейка почти что бомжей вдруг в одночасье стала сказочно богатой, получив не только деньги и вид на жительство, но и возможность править другими государствами. Можно себе представить это зрелище!

Родственники старались переплевать один другого. Все братья-короли завели в своих королевствах пышные дворы. Жозеф, обосновавшись в неаполитанском королевстве, настолько расслабился, что чуть было не прозевал восстание. Чтобы спасти ситуацию, к нему на помощь был послан Мюрат, муж сестры Наполеона, который восстановил порядок. После этого Жозефа срочно сделали королем Испании, а освободившееся место на неаполитанском троне занял Мюрат. В Испании Жозеф продержался довольно долго, переделав свое имя на Хосе I.

Другой брат Наполеона, Луи, был отправлен в Нидерланды, где занимался государственными делами, причем делал это с большой ленью. Он страдал подагрой и, трепетно относясь к здоровью, постоянно разъезжал по курортам, надолго покидая вверенное ему королевство. Северный климат был для него вреден, а также все, что с ним связано, в том числе и женщины. К ним Луи относился очень настороженно. Он все время на что-нибудь жаловался, ныл и пребывал в меланхолии. Проку от него как от короля не было никакого. Единственное, что он делал исправно, так это выпрашивал деньги у Наполеона.

Следующий брат, Жером, король Вестфалии, был полной противоположностью Луи – он был жизнелюбив и имел отменное здоровье. Жил Жером на широкую ногу, тоже за счет Наполеона. Казна его королевства была хронически пуста, так как на содержание двора Жерома не хватило бы никаких денег. Он собрал вокруг себя дружков, таких же отпетых кутил и повес, как и сам, и с ними без усталости предавался разгульной жизни. В Жероме, помимо всего прочего, обнаружился еще и актерский талант. В связи с этим появилась новая статья расходов – содержание оперы и театра. Сам он частенько участвовал в спектаклях, а в «Свадьбе Фигаро» даже лихо отплясывал под звуки кастаньет. Его приятельницы актеры в другом спектакле разгуливали по сцене голышом. В этом спектакле Жером не участвовал. Возможно, постеснялся, а может быть, представил, какую взбучку получит от старшего брата.

Что касается сестер Наполеона, то они устроились лучше всех. Бремя власти их не тяготило, достаточно и того, что они были при ней. Эти новоиспеченные княгини и герцогини были очень любвеобильными особами, и собственно в этом и был главный смысл их жизни. Несмотря на то, что роскошь и богатство с известного момента стали непременным условием их жизни, они постоянно скандалили с Наполеоном по поводу того, кому достался тот или иной титул, и в припадке ревности закатывали бурные истерики.

Этот жесткий человек, отчаянный храбрец и великий полководец, перед лицом семьи становился беспомощным и мягкотелым. Наполеон прощал им и хамское поведение, и мотовство, хотя отлично понимал, что когда-нибудь это его погубит. Он вообще не питал иллюзий относительно своих родственников. Как-то, находясь во дворце в Тюильри, Наполеон жало-

вался: «Не думаю, чтобы нашелся кто-то другой, кому бы так не повезло с родственниками. Положа руку на сердце, следует признать, что Люсьен отплатил мне черной неблагодарностью, Жозеф ведет себя как Сарданапал, Луи – паралитик, а Жозеф – мот, – затем тяжело вздохнув, добавил, обращаясь к сестрам: А вам, милые дамы, самим прекрасно известно, кто вы такие».

Бонапарт (Часть 2)

Его собственная жена тоже заставляла его изрядно понервничать. Жозефина Богарне, известная в Париже куртизанка, креолка с острова Мартиника, выглядела очень экзотично в Париже; выйдя первый раз удачно замуж, она сумела попасть в приличное общество. Овдовев во время революции, Жозефина начала спешно подыскивать себе нового жениха. Она заприметила молодого начинающего политика, когда он еще не был императором, и не прогадала. Со своими приятелями она подшучивала над Наполеоном, окрестив его «котом в сапогах». В конце концов Жозефина стала его женой, и современникам запомнилась как некрасивая, но обладающая необычайным обаянием женщина, умевшая произвести приятное впечатление благодаря богатому жизненному опыту и бурной молодости.

Ко времени замужества у Жозефины уже было двое детей, причем довольно взрослых. Тем не менее это была неумная особа. Вообще-то, она была милая и добросердечная женщина, но у нее было две слабости: любовь к роскоши и мужчины. Ни в одном, ни в другом она не знала чувства меры. Она непрерывно крутила романы, особенно когда Наполеон уходил в очередной военный поход. Делала это почти открыто, не смущаясь даже родственников Наполеона. Ее любовь к роскошной жизни тоже поражает своим размахом. Например, она беспрестанно занималась приобретением нарядов и украшений. Марию Антуанетту, жену свергнутого Людовика XVI, называли самой расточительной королевой, но Жозефина с лихвой перекрыла все рекорды расточительности Марии Антуанетты. Если королева в год приобретала 180 платьев, то Жозефина – 800! В ее счетах был найден счет за шляпки, которые она купила в течение одного месяца. Их было 38 штук. Можно посчитать, сколько их накопилось за годы замужества. И тем не менее Наполеон прощал своей жене маленькие слабости, потому что был безумно в нее влюблен. Во время отлучек Наполеона Жозефина жила в замке Мальмезон. Сегодня это музей Наполеона. Здесь его трон из Фонтенбло, походная кровать, на которой он скончался, и его посмертная маска. Жозефина скончалась в Мальмезоне.

Из записок придворной дамы госпожи Дюран: «Она имела над Наполеоном столько влияния, сколько можно было иметь над ним, и имела чудесный дар – смирять его характер, от природы повелительный и гневный». При этом делала, что ей заблагорассудится: транжирила фантастические суммы денег на наряды, драгоценности, добывала денежные ссуды для своих многочисленных друзей. Она с безумной скоростью проматывала кредиты, заимствованные у торговцев, и в этом с ней мог состязаться только младший брат Наполеона – Жером. Он проматывал свои кредиты со скоростью, которая могла бы изумить даже Жозефину. На этой почве они и сошлись. Он был едва ли не единственный родственник Бонапарта, с которым ей удавалось сохранять дружеские отношения, потому что все остальные члены его семьи не скрывали своей ненависти к невестке. А Летиция, мать Наполеона, даже в его присутствии называла Жозефину не иначе как «le putana».

Если и был в семье кто-то, кроме Наполеона, талантлив, так это Летиция, мать великого императора. Она была на редкость практичным и трезвомыслящим человеком. Похоже, эту черту никто из ее остальных детей так и не унаследовал. Став императором, Наполеон поселил свою мать во дворец, окружил целым штатом слуг и лакеев, но она по привычке не переставала экономить и лично за всем следила, откладывая про запас деньги, которые текли к ней рекой. Когда подшучивали над ее бережливостью, Летиция обыкновенно отвечала: «Кто знает, не придется ли мне еще когда-нибудь кормить всех этих королей... В один прекрасный день все это закончится». Посмеивающемуся над ней императору мадам Мать говорила: «Придет день, мой мальчик, когда ты обратишься ко мне с просьбой дать тебе денег!» Ее наихудшие опасения, как известно, сбылись. Когда Наполеон возвратился для последней битвы, тщетно пытаясь вернуть себе трон, сбережений его матери хватило, чтобы оснастить целую армию.

Справедливости ради надо заметить, Летиция отдала эти деньги не раздумывая. Азартная была мама у Наполеона. Да и сам он, чего уж тут говорить, был не менее азартен.

Наполеон действительно был одаренным человеком. У него была феноменальная память и безупречная логика мышления. Успех всех сражений Наполеона заключался в том, что он мгновенно оценивал ситуацию и принимал молниеносные решения. При этом численность его войск могла значительно уступать численности войска противника.

Он любил повторять: «Главное – ввязаться в драку, а там разберемся». Надо сказать, Наполеон не сам развязал войну в Европе. Он предлагал еще до своего восшествия на престол подписать мирное соглашение с Австрией и Англией. Но Англия отказалась от этого предложения. И война в Европе начала разгораться, постепенно вовлекая одно за другим государства. Армия Наполеона одерживала победу одну за другой. Его слава росла. Завоевав почти всю Европу, Наполеон все чаще стал задумываться о своем законном наследнике. Но Жозефина не могла иметь детей. Чтобы решить эту проблему, Наполеон решил жениться еще раз. Выбор его пал на дочь австрийского императора Франца Марию-Луизу, принцессу из дома австрийского, которая также приходилась племянницей Марии Антуанетте. Мария-Луиза незамедлительно родила сына, и задача с наследником была решена. Мальчик, названный Наполеоном II, получил также титул Короля Римского, став прямым наследником престола.

Говоря о великих победах Наполеона, нельзя не упомянуть сражение под Аустерлицем – «битву трех императоров», как назовут ее историки. Это случилось ровно через год после его коронации, когда Австрия и Россия решили нанести Наполеону решающий удар. Знаменитое сражение закончилось полным разгромом русской и австрийской армий. Причем численность французов значительно уступала обоим армиям, вместе взятым. Русский и австрийский императоры будут винить в этом поражении своих бездарных военачальников. Но их вина заключалась лишь в том, что слишком талантлив был Наполеон. Эта победа повергнет к его ногам всю Европу. Солнце Аустерлица долго еще будет освещать Наполеону путь. Целых десять лет. До его последнего поражения при Ватерлоо.

До сих пор непонятно, почему Наполеон решился на войну с Россией. Ведь он очень долго считал, что именно Российская держава самый крепкий и выгодный союзник. И нужно идти на все, чтобы Россия и Франция оставались союзниками. Однако с усиливающейся напряженностью в Европе росли и противоречия между Францией и Россией. И вот, разорвав отношения с Александром I, Наполеон решился на вторжение в Россию. Это случилось 22 июня 1812 года. Французская армия дошла до Москвы. Наполеон остановился в Михайловском замке, сегодня это район Сокола. Там он ожидал, когда ему принесут ключи от города, но не дождался. Под деревней Бородино произошло знаменитое сражение. И именно эта победа Наполеона при Бородино стала переломным моментом его военной кампании. Французская армия, одержав победу на Бородинском поле, понесла большие потери. Она была деморализована и обессилена. Продолжать войну она не могла. Наполеон покинул Россию, потому что понял: ему не одолеть эту великую страну. Уже будучи в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон говорил, что он должен был сразу умереть, как только ушел из Москвы.

Война с Россией действительно была фатальной ошибкой, после которой близкий конец наполеоновской империи стал очевиден. Русская армия при поддержке Австрии и Англии постепенно двигаясь на запад, пересекла границу Франции. Вскоре к коалиции против Франции присоединились сразу несколько государств. Коалицию образовали Россия, Пруссия, Австрия, Швеция и Англия. Затем присоединились Испания и Португалия. Уже вся Европа воевала с Наполеоном. Конечно, ресурсы его армии были не безграничны.

После вступления русских, австрийцев и англичан в Париж Наполеон был вынужден отречься от престола. Его маршалы, главным образом Талейран, предали его и за его спиной заключили соглашение с Александром I. Когда Наполеон спешно примчался в Париж, все было кончено. У него не было выбора. Взамен русский император пожаловал Наполеону в пожизнен-

ное владение маленький островок Эльба в Средиземном море (1814 г.). С семьей его насильно разлучили. Больше Наполеон никогда не виделся с женой и сыном. На остров Эльба Наполеон уезжал из Фонтенбло.

Но спустя некоторое время во Францию вернулись Бурбоны и эмигранты, мечтая вернуть свои права и свое имущество, предприняли попытку реставрировать монархическую власть. Наполеон, воспользовавшись этим, бежал с Эльбы и возвратился в Париж. Война возобновилась, но Франция уже не в силах была воевать. Вернувшись к власти на «сто дней», Наполеон потерпел окончательное поражение около бельгийской деревни Ватерлоо (18 июня 1815 г.). Он был взят в плен англичанами и сослан на далекий островок Святой Елены в Атлантическом океане. Там Наполеон и провел последние шесть лет своей жизни.

Генрих Гейне вскоре после смерти Наполеона сказал об этом так: «Император умер. На пустынном острове Атлантического океана – его одинокая могила, и он, кому был тесен земной шар, лежит спокойно под маленьким холмиком, где, жалобно сетуя, бежит смиренный ручеек. Никакой надписи нет на его надгробной плите, но Клио справедливым резцом своим начертала на ней незримые слова, которые неземными напевами прозвучат сквозь тысячелетия».

Однако через шестнадцать лет останки Наполеона перенесли в Париж по приказу короля Луи Филиппа. Так сбылась мечта великого корсиканца быть похороненным на берегу Сены. Тут теперь лежит он, «кому был тесен земной шар». Саркофаг его находится в Доме инвалидов, в десяти минутах ходьбы от Парижской военной школы, откуда Наполеон начал свой путь. Десять минут от места взлета до места падения. Такова ирония судьбы. Он похоронен рядом со своим сыном Наполеоном II, ничем не прославившим себя, кроме того, что до конца жизни не отрекся от своего отца. И все же главный памятник, который при жизни Наполеон поставил себе сам, – это Триумфальная арка, посвященная его победам. В этом он весь – со своими амбициями, дальновидностью, талантами и непомерным честолюбием. Отчасти это философский памятник, которому удалось запечатлеть бессмертный, негибимый дух великого Наполеона.

Людовик XIV (Часть 1)

Как сказал мой знакомый журналист, впервые увидевший Версаль: «Мечта стекольщика!» Действительно, прекрасный дворец впечатляет, даже если вы видели его только на картинке. Людовик XIV выстроил величайший по своей пышности и великолепию дворец; многие пытались перещеголять его, возводя более дорогие, более роскошные замки, но Версаль затмить не удалось никому. Он по-прежнему несет на себе печать своего создателя – «короля-солнце» Людовика.

Были в жизни Версаля и черные дни, когда по его зеркальным залам металась Французская революция, круша на своем пути все. Но, менялось государство, менялся государственный строй, а Версаль остался неизменен. Он словно парит в своем отдельном, параллельном мире, не соприкасаясь с новой реальностью, позволяя лишь любоваться своей красотой.

Появления на свет «короля-солнца» король Людовик XIII и королева Анна Австрийская ожидали целых 22 года. Они поженились, когда им было по 16 лет, а рождение первого ребенка произошло, когда им уже было около 38 лет. Как говорят в таких случаях: несколько затянули с ребенком. Кстати, Анна вскоре родила и другого сына, но почему-то о нем вспоминают не часто. Александр Дюма сочинил роман «Железная маска», в котором братья короли – близнецы, что, разумеется, является выдумкой от первого до последнего слова. Конечно, Александр Дюма не был учителем истории, он был писателем, и потому такие вольности ему позволительны. Да и что бы мы сегодня делали без такого неистощимого выдумщика? И что такое история, в конце концов, как не сказочное стечение невероятных обстоятельств. Вот именно так мы и будем рассказывать о Людовике XIV – знаменитом французском короле.

Начать придется издалека.

После короля Генриха IV, первого из рода Бурбонов, на престол возшел его сын – Людовик XIII. Александр Дюма в «Трех мушкетерах» очень приврал, изобразив короля изнеженным эгоистом и сердцеедом. На самом деле Людовик XIII был совершенно другим. Очень болезненным, меланхоличным и малообщительным, и, если честно, я его понимаю. Ну кому понравится тратить свое время на придворные интриги? Хотя нет. Конечно, некоторым нравится, и для них это становится смыслом всей жизни. Но Людовик был не такой. Он не любил тратить время на всякие сплетни и общаться с кучей подлиз, лицемеров и откровенных паразитов. Да, трудно было королям в те времена, да еще и управлять страной. Вот поэтому Людовик XIII всячески старался улизнуть из дворца – подальше и от своих придворных, и от государственных дел.

И удивительно, как, находясь в подобных условиях, Людовику удавалось оставаться мечтателем. Он был просто уверен, что жизнь его предназначена совершенно для другой цели. Настоящей страстью короля была охота, и только она придавала смысл его существованию. При слове «охота» Людовик преображался, и настроение его резко менялось. Вялость и болезненность улетучивались, он становился бодрым и энергичным. Да, охота – вот что было его настоящей страстью. Только в лесу он ощущал себя спокойно и уверенно – выслеживать или травить зверя ему не надоедало никогда. В чаще леса он выдерживал какие угодно физические нагрузки, длительные переходы, а отсутствие комфорта, чистоты его ничуть не пугало. Вершина блаженства Людовика – сидеть в засаде. Такое времяпровождение в его понимании было самым единственно нормальным для настоящего мужчины. Думаю, многие другие настоящие мужчины немедленно бы с ним согласились. Он охотился всегда, даже тогда, когда воевал. Придворные между собой называли его «охотник». Вроде бы безобидное прозвище, но, наверное, не мешало бы слышать ту многозначительную интонацию и видеть ехидные перемигивания придворных, чтобы понять, как они на самом деле относились к увлечению короля. Кстати, ведь это именно он первый заметил местечко под Парижем – Версаль – и велел там

выстроить очень скромный охотничий домик. Исключительно для того, чтобы быть подальше от своих верноподданных.

Роскошь Людовик XIII не любил. Одевался он всегда довольно скромно. Он вообще сильно отличался от других своих родственников. Обожал что-нибудь мастерить или чинить поломанные вещи. Он был большим оригиналом. Иногда, разъезжая в своей карете, отбирал у старенького кучера вожжи и сам правил лошадьми, а если карета ломалась, мог засучить рукава и починить ее. У него были и другие увлечения. Например, наперекор этикету король не только сам одевался, но и брился. Процесс бриться настолько нравился Людовику, что иногда он даже брил других. Однажды побрил сразу всех своих офицеров.

Но, несмотря на скромность и неприхотливость, Людовика нельзя было назвать примитивным или недалеким. Ему не чуждо было чувство прекрасного. Он любил музыку и очень хорошо играл на лютне. Ему нравились спектакли с музыкой и танцами, в которых частенько принимал участие сам, а иногда даже сочинял музыку и писал стихи. Единственное, чего он не любил и не умел, – управлять государством.

И тут ему здорово повезло с кардиналом Ришелье, на которого он переложил всю ответственность за судьбу отечества. А Ришелье и не возражал, его это вполне устраивало. Человек больших способностей и очень властолюбивый, он никогда не действовал открыто, а заправлял делами, оставаясь в тени, создавая иллюзию, что он лишь покорный слуга короля. Но на самом деле Францией правил кардинал, а король был его пешкой. Обладать абсолютной властью, оставаясь в тени, и не нести никакой ответственности за совершенные действия – что может быть приятнее для любого политика.

Но королева-мать Мария Медичи и ее невестка Анна Австрийская сразу раскусили кардинала Ришелье. Они всегда были в оппозиции к кардиналу и являлись его злейшими врагами. Эта неприязнь королевы была основана еще на том, что с некоторого времени она заметила, что Ришелье начал беззастенчиво за ней волокаться. Он был по уши влюблен в королеву и, возможно, даже высот в политике достиг именно благодаря этому сильному чувству. Но Анна Австрийская была абсолютно холодна к нему, а на все попытки сблизиться с ней отвечала насмешливым отказом.

Кардинал был человеком постоянным и мстительным. Он установил за королевой тайную слежку, чтобы исключить появление возможных конкурентов. Сам король находился с королевой в довольно прохладных отношениях, опять-таки благодаря интригам кардинала Ришелье, который постоянно вносил между ними разлад. Появление на свет наследника Франции в такой обстановке было делом довольно сложным, во всяком случае все время откладывалось. Как знать, возможно, ход истории пошел бы по другому пути, не будь кардинал Ришелье настолько бдительным. Случилось так, что французский двор посетил герцог Бекингем, первый министр английского короля. Известный рассказ господина Дюма о королевских подвесах – очередная выдумка, позаимствованная у писателя-фрондиста Ларошфуко. И даже непонятно, чем им не понравилась настоящая история герцога Бекингема и королевы Анны. Ведь это был действительно исключительный случай среди сильных мира сего, влюбившихся друг в друга с первого взгляда.

Бекингема пригласили к французскому двору по случаю заочного бракосочетания английского короля Карла I с французской принцессой Генриеттой. В то время это практиковалось. Поскольку сам король находился в Англии, то Бекингем должен был своим присутствием украсить брачную церемонию. Бекингем пользовался при английском дворе таким доверием короля, что даже в случае женитьбы вполне мог его заменять. Его абсолютное влияние на Карла было примерно таким же, как авторитет Ришелье при дворе Людовика. И в этом они были достойными конкурентами. Но что касается внешности – тут Ришелье проигрывал Бекингеми сразу по всем пунктам. Бекингем был неутомимым покорителем женских сердец и славился у себя в Англии донжуанством, сведя с ума не одну женщину. При этом отличался утонченным

вкусом, мужественной красотой, изяществом манер и царственной щедростью. Ришелье рядом с ним выглядел просто жалким монахом.

В первый же вечер, увидев королеву Анну на балу при французском дворе, Бекингом был потрясен. Он и раньше был наслышан о красоте французской королевы, но увиденное превзошло все его ожидания. Свое восхищение он и не думал скрывать – с этой минуты для него не существовало никого, кроме этой женщины.

Со своей стороны, Анна тоже не осталась равнодушной, она не могла не почувствовать мощного импульса, идущего от Бекингема. Сердце этой холодной красавицы впервые дрогнуло, когда искра, точнее целый разряд искр, проскользнул между ними. Эта яркая вспышка страсти между Бекингом и королевой не осталась незамеченной кардиналом. Да и трудно было не заметить, когда в Амьене Бекингем публично признавался в любви королеве.

Влюбленный Бекингем после краткого визита покидал Францию, рисуя себе картины будущих встреч с королевой, а кардинал уже отдал все распоряжения, чтобы пресечь любые возможности для свидания Бекингема и королевы. И в этом он преуспел. Вслед за Бекингом был послан курьер, который передал ему о запрете появления на французской территории.

Взбешенный Бекингем, приехав в Англию, тотчас доложил обо всем Карлу I. Ему удалось уговорить короля объявить французам войну, и затем он лично принимал участие в военных действиях. На острове Ре Бекингем высадился со своим отрядом, и здесь произошло сражение между французами и англичанами. Выказывая блестящую храбрость, Бекингем тем не менее сражение проиграл. После поражения пыл его немного поостыл. Да, это был тот самый случай, когда из-за прекрасной дамы чуть было не разгорелась новая война.

Таким образом, королевская честь была спасена, страсти поутихли, и король, наконец собравшись с мыслями, решил всерьез задуматься о наследнике. Однако прошло еще немало времени, прежде чем был достигнут реальный результат.

Но вот на свет появился маленький Людовик XIV. Современники говорили, что никогда еще ни один народ не выказывал столько радости, сколько было в те дни во Франции. Его тут же окрестили «Дитя чуда», а происхождение эпитетов «солнце» и «великий» отчасти связано с чудесным происхождением. Кстати, появился на свет малыш с двумя зубами, что тоже было воспринято как божий знак. Маленький львеныш терзал одну за другой кормилицу и уже тогда проявил свой бурный нрав и отменный аппетит. Анна Австрийская не чаяла души в своем ребенке. Все свою нерастрченную любовь она вложила в сына, и, надо сказать, любовь эта была взаимной. Людовик обожал свою мать.

Когда Людовик XIII внезапно скончался, мальчику не было и пяти лет. К тому времени Анна родила еще одного ребенка, но именно ее первенцу и любимцу выпала честь унаследовать корону Франции.

Итак, короля-малыша короновали, естественно, под опекой королевы-матери, и с этого момента у него началась новая жизнь. Вообще, это не поддается никакому пониманию: ребенок должен был присутствовать на всех важных заседаниях, на всех торжествах. Какой колоссальной физической нагрузкой это было для него! И удивительно, что Людовик так органично вошел во власть и так рано понял всю важность своей миссии. Королева-мать прилагала много сил, чтобы сделать из своего сына настоящего правителя, и воспитывала его довольно строго. Так, рассказывают, что однажды девятилетний король надерзил королеве, и рассерженная Анна Австрийская, покраснев от гнева, отчитала его: «Я вам докажу, что у вас нисколько нет власти, а у меня она есть. Уже давно вас не секли, я хочу вам показать, что порки устраивают в Амьене так же, как и в Париже». Людовик бросился перед матерью на колени стал умолять: «Мама, я прошу у вас прощения, я вам обещаю никогда не идти против вашей воли». Королева, конечно же, растаяла от таких слов и, нежно поцеловав, немедленно его простила. Сердце королевы, наверное, дрогнуло, когда она услышала жалобное «мама» вместо положенного «мадам». Ведь Людовик был прежде всего маленький мальчик, а уж потом великий король. В дальней-

шем Людовик вынес правильные уроки из своего воспитания. Он умело сочетал любовь и строгость к своим подданным.

Не стоит забывать о том, что у него был младший брат, Филипп, которого Анна тоже любила и которому тоже уделяла много внимания. Современники рассказывают, что королева была чрезмерно любящей матерью. Она никому не доверяла своих детей и не отпускала их от себя ни на шаг. Даже ревновала, если они кому-нибудь уделяли слишком много внимания. В дальнейшем младший брат Людовика, Филипп, получил титул герцога Орлеанского и стал одним из наследников престола. Но все-таки Людовик занимал первое место в сердце Анны Австрийской, и он отлично это знал и всегда радовался этому. Он гордился красотой и умом своей матери. «Прекрасна, как ясный день», – говорили о ней, – элегантна, общительна. Она любила зеркала, сильно пахнущие цветы, что в то время всех удивляло. Она подавала своему окружению пример хорошего тона, блистала остроумием и утонченностью ума, устраивала спектакли. Поэтому совершенно ясно, от кого Людовик унаследовал любовь к искусству и театру. Возможно, именно потому что театр с малых лет вошел в его жизнь, он и прекрасно музицировал, танцевал, а заодно – управлял государством.

С первых же минут единоличного правления король Франции проявил себя как умный и жесткий политик. Правление его началось сразу же после смерти кардинала Мазарини, бывшего попечителем юного короля. Кардинала Мазарини Людовик любил и уважал, не успев хорошенько узнать его предшественника Ришелье. По странному стечению обстоятельств Ришелье и отец Людовика Людовик XIII умерли один за другим, с разницей в полгода, когда мальчику не было и пяти лет.

Придя к власти, Людовик немало потрудился, чтобы исправить ошибки своих предшественников, набравших в министерство фаворитов, которые ни в чем не разбирались. Этот порок происходил из-за редкой смены правителей государства. Людовик поменял целый ряд министров, оставив только самых толковых, и укрепил дисциплину, а звание министра при нем стало наконец определенным и более редким.

Однако при всей строгости и серьезности отношения к государственным делам начало своего правления Людовик XIV отметил «основанием королевской Академии танцев в городе Париже». Хотя что тут удивительного, ведь королю было всего 23 года, и он обожал искусство танца. По оценке его подданных, «в мастерстве танца он превосходил самого себя». Разумеется, такая оценка давалась главным образом подлизами и льстецами, но король и не нуждался в их похвалах. Он нисколько не сомневался в своих талантах. Вплоть до пятидесятилетнего возраста Людовик исполнял все ведущие партии в балетах и дивертисментах.

Хотя, нужно признаться, что тогдашний балет сильно отличался от нынешнего. Мастерство танцоров заключалось лишь в изысканности движений. Кавалеры в башмаках и длинных чулках грациозно скользили по гладкому паркету, изобретая всевозможные изгибы и завитки, которыми старались пленить зрителей. Костюмы танцоров достигали веса нескольких десятков килограммов. Поэтому о какой технике танца могла идти речь?

Но балет был не единственным увлечением короля. Он прекрасно играл на гитаре, хотя все дворяне тогда играли на лютне. Людовик превосходно овладел этим инструментом и сломал сложившийся стереотип, после чего, естественно, все представители королевской крови тут же полюбили игру на гитаре.

На время правления Людовика XIV выпало много испытаний: знаменитая Фронда, гражданская война, которую он застал в юности. А затем и разрушительные захватнические войны, которые он вел, расширяя границы своего государства. Франция при Людовике укрепила свои позиции в Европе, хотя это ей стоило колоссальных человеческих потерь. Однако абсолютная монархия во Франции достигла своего пика именно при Людовике, и все это благодаря особой политике, которую проводил король.

А политика эта была такова. Королевский двор жил по строго регламентированному этикету и вращался, подобно планете, вокруг «короля-солнца». Каждому из подданных предназначалась своя роль в соответствии со статусом. Об этике при дворе Людовика написано столько книг и мемуаров, что некоторые сцены придворной жизни можно восстановить до мельчайших подробностей.

Например, сцена пробуждения короля.

Пробуждение короля, его одевание и все последующие действия наблюдали не менее ста придворных. Церемония в спальне Людовика было делом государственной важности. Этот ритуал ярко демонстрировал абсолютную власть короля.

Людовика будили в 8 часов или в любое другое время, которое он сам себе назначал. Его будил камердинер, спящий у подножия королевской постели. Двери открывали камер-пажи. Один извещал старшего спальника и первого камергера,

другой – придворную кухню насчет завтрака, третий вставал в двери и пропускал в спальню к королю особо приближенных, обязанных присутствовать на церемонии пробуждения, вставания и одевания короля. Король еще лежал в постели в маленьком специальном парике, а к нему уже входили первые посетители. Король вставал, и старший спальник и первый камердинер клали перед ним халат. Однако король, согласно заведенному правилу, сначала надевал туфли, как будто не замечая халата, который ему совали старший спальник и первый камердинер. Потом в опочивальню втискивалась новая партия придворных, и тогда Людовик наконец брал в руки халат, но снова откладывал его, потому что в это время главный служитель гардероба и первый служащий гардероба начинали стаскивать с него ночную рубашку и надевать дневную. Думаю, старший спальник и первый камердинер просто выходили из себя, когда в очередной раз им не удалось натянуть на короля этот чертов халат. Работенка не из легких, здорово им приходилось попотеть. И непонятно, почему Людовик не торопился надевать халат? Может, просто вредничал, а может, ему хотелось щеголять перед всеми в negligé. А кого бояться-то? Старшего спальника и первого камердинера, что ли? Что касается присутствующих дам и государственных мужей, то вряд ли они стояли, онемев как рыбы. Скорее всего, наперебой расточали комплименты в то время, когда король величественно разгуливал перед ними полуголый. Наконец, ему завязывали туфли, пристегивали шпагу и надевали камзол. Когда король был полностью одет, он немного молился, а затем шел в большую галерею, где его уже ожидал весь двор.

Сцена следующая – принятие пищи.

Придворные присутствовали также и на его завтраках, обедах и ужинах. Обеды состояли из нескольких десятков блюд, чтобы было из чего выбрать. Ел Людовик в одиночестве, за исключением праздничных торжеств, когда за столом собиралась вся королевская семья. В обычные королевские будни свита короля лишь созерцала и преклоняла колена, приветствуя королевскую еду криком: «Королевское мясо!», в то время, когда пищу проносили из королевской кухни в столовую. Еду для Людовика готовили пятьсот поваров, а слуг у него было четыре тысячи.

И наконец – гардероб короля.

Что касается искусства наряжаться, то ни один король не смог бы с ним соперничать. Так, например, однажды «король-солнце» явился на прием в наряде, сплошь усеянном бриллиантами. Разумеется, придворные только ахнули от зависти – на короле было двенадцать миллионов ливров. Но сам Людовик никогда никому не завидовал.

Так зачем ему был нужен этот нескончаемый спектакль? Да очень просто: дворяне в Версале играли роль покорных сателлитов монархии, проводя все дни в важных мероприятиях – охоте, пирах и танцах, – чтобы быть все время на виду у короля. Даже развлечениям придавался серьезный смысл. Например – танцы. Они тоже играли важную политическую роль. Умение красиво танцевать высоко ценилось, и счастливчик, которого король отметил на балу, легко

мог начать продвижение по службе. Поэтому придворные без устали разучивали с танцмейстерами сложнейшие «па» на уроках танцев. Все это дало громадные положительные результаты. Из знати не вышло ни одного противника короля. И поэтому власть короля была – абсолютной.

Людовик XIV (Часть 2)

Во времена Людовика королевская резиденция была необыкновенно доступна, достаточно было принарядиться и, пожалуйста, гуляй себе по парку, наслаждайся красотой. Кстати, в парке легко можно было встретить и самого короля. В сказке про Золушку именно так все и происходит, и неудивительно, ведь Шарль Перро, знаменитый сказочник, был богатым сановником и играл важную роль при дворе короля. Поэтому он вовсе не сочинял, рассказывая о том, что на бал к королю легко могла приехать инкогнито какая-нибудь красавица. Действительно, такие случаи бывали, и им, этим красавицам, даже удавалось увлечь короля. Это вполне достоверно. И хотя стать фавориткой Людовика было делом непростым, но и небезнадежным.

Что же касается превосходного художественного вкуса и модных взглядов, то тут Людовику не было равных. Несмотря на то, что балет в его жизни занимал особое место, он еще интересовался литературой и драматургией. При дворе короля появился театр Корнеля и Расина, комедии Мольера наполнили его бурными страстями, привнеса живость и утонченность. Что касается самого господина Мольера, то бережное отношение к нему Людовика вызывало у всех жгучую зависть. Не поддерживай король его театр, он бы не просуществовал и месяца. Мольер ухитрялся не только с успехом ставить спектакли, но и позволял себе потешаться над королевской знатью. Одним словом, с покровителем ему повезло.

Все дело в том, что Людовик видел в Мольере не пустого комедианта, а умного и тонкого драматурга с богатым воображением. Разоблачая смешные стороны некоторых персонажей двора и делая на них ядовитую сатиру, Мольер невольно становился союзником королевской политики. Наседая в своих пьесах на сливки аристократии, Мольер вплотную приближался к королю, но никогда не затрагивал его лично. Он обладал хорошим чутьем и верно держал дистанцию. Именно за это король его и ценил, а когда над Мольером сгустились тучи – приходил на выручку.

Однажды, присутствуя на спектакле «Мещанин во дворянстве», Людовик подозвал к себе Мольера и сказал, что тот написал превосходную пьесу. Придворные, услышав это, тотчас примчались и наперебой стали его хвалить. Людовик узнал, что пьесу хотели провалить на первом же спектакле, и, выразив похвалу, спас ее от провала. Для меня всегда остается загадкой, как Людовик, тщеславный и самовлюбленный, так спокойно уживался со столь одаренной личностью, как Мольер, – с неоспоримым королем в царстве искусства? Просто, на мой взгляд, Людовик совершенно искренне считал, что равных ему нет ни в какой области. В том числе и в искусстве.

При дворе Людовика XIV расцвел талант и другого великого француза – композитора Жана-Батиста Люлли. Люлли приехал в Париж из Флоренции в четырнадцатилетнем возрасте. Герцог де Гиз взял его к себе, чтобы тот помогал мадам де Монпансье упражняться в итальянском языке. Очевидно, занятия обоим пришлись настолько по душе, что мадам не могла нахвалиться молодым учителем. Неудивительно, что дела его стремительно пошли в гору, и он сделал головокружительную карьеру: бывший скоморох и шут, он стал суперинтендантом музыки при французском дворе – главой Оперы. Распутник и гуляка Люлли, завсегдатай кабаков и ночных оргий, развлекал короля своей музыкой, своей игрой и своими остротами, а Людовик закрывал глаза на его похождения, потому что обожал его музыку. Став придворным композитором, Люлли исполнял также обязанности советчика и секретаря короля. Людовик пожаловал ему дворянский титул и помог приобрести огромное состояние. Конечно же, Люлли всецело зависел от королевской власти, однако он был незаурядным и смелым человеком, который достигнув высокого положения в обществе, не ограничивался ролью придворного слуги великого короля. Кроме дворцовых спектаклей, он часто давал представления в городе, иногда бесплатно. И этим оказывал влияние на музыкальную жизнь не только Версаля и Парижа,

но и всей Франции. Из-под его пера наряду с операми и церковными песнопениями выходили и уличные песенки, которые затем весело распевали простолюдины, чем Люлли очень гордился.

И это прекрасно, что судьба свела двух великих Жанов-Батистов – Люлли и Мольера. Оба страстно любили театр, а Люлли еще был и отличным актером и часто принимал участие в спектаклях. Специально для Мольера он писал танцевальную и вокальную музыку. Так, пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве», «Мнимый больной» ставились под музыку Люлли, приобретая форму комедий-балетов. Оба Жана-Батиста – и Люлли, и Мольер – внесли огромный вклад во французскую культуру.

При дворе Людовика XIV был и еще один Жан-Батист – Кольбер, который имел самое непосредственное отношение к Версалю. Но об этом чуть позже.

Во времена Людовика XIV дворянская оппозиция была раздавлена настолько, что ее уже неприлично было называть оппозицией. Но, подмяв под себя высшую знать, Людовик тем не менее строго следовал заведенному порядку дворцовой жизни: три раза в неделю он устраивал во дворце приемы. Все старания его верноподданных были направлены исключительно на то, как угодить королю, а заодно продвинуться по службе, приобрести высокий титул и получить как можно больше привилегий. На всю эту возню Людовик взирал насмешливо и равнодушно. Он всегда строго выполнял свои обязанности, но ясно давал понять, что дворянство и король Франции стоят на абсолютно разных высотах. Действительно, Людовик никогда не отождествлял себя со своим придворным окружением. Он вообще не относился хорошо к высшему дворянству Франции. И не позволял никому из подданных соперничать с ним ни в любовных делах, ни в богатстве.

Так поучительна история министра финансов Николя Фуке. Это случилось задолго до того, как Людовик начал строительство дворца в Версале. В то время у него была идея лишь реконструкции Лувра, но она его не очень вдохновляла. Господин Фуке, пригласив короля в свое имение, невольно подал ему идею создания нового роскошного дворца в Версале.

Работая при дворе короля, Николя Фуке стал довольно искусным министром финансов. Ведение непрерывных войн, содержание баснословно дорогостоящего французского двора с постоянными переездами королевской свиты из одного дворца в другой – все это требовало колоссальных денежных затрат. То тут, то там приходилось «затыкать дыры». Чтобы справиться с такой сложной задачей, необходим был талант иллюзиониста высочайшего класса. Мошенничество, растраты, липовые доверенности – все шло в ход, только бы изыскать средства. Разумеется, такая хитроумная финансовая гимнастика была по плечу не каждому.

И в этом смысле Николя Фуке был, несомненно, талантлив, к тому же обладал опасным обаянием. Он умел привязывать к себе людей, вызывая у них чувство восторга и обожания. Этот баловень судьбы был баснословно богат, благодаря наследству и двум удачным женитьбам. Фуке любил поэтов, прекрасных дам, ну и конечно же, – изящное искусство. Человек с большим воображением и даже своего рода мечтатель, он был чрезвычайно честолобив и непоследователен. Он сорил деньгами направо и налево, не разбирая, где его собственные, а которые из государственной казны. И так бы это и продолжалось, если бы, совершенно осмелев, он не посягнул на интересы самого короля, самые что ни на есть личные. Фуке начал открыто ухаживать за его фавориткой, и это очень не понравилось Людовику. Над Николя Фуке начали сгущаться тучи, и нужен был лишь повод, чтобы поставить дерзкого на место. И этот повод был найден.

В своем поместье Во-ле-Виконт Фуке построил красивейший дворец. На него были затрачены баснословные деньги, и король решил выяснить: откуда у министра финансов такие деньги?

Фуке, ничего не подозревая, решил в поместье устроить праздник для короля, а Людовик тем временем с неким Жаном-Батистом Кольбером, с тем самым, о котором мы уже упоминали, интендантом кардинала Мазарини, проверял ведомости по министерству финансов.

Проверка оказалась для Фуке роковой – Кольбер для этого сильно постарался. Королю было доложено, что Фуке брал взятки, а благодаря бухгалтерскому хаосу, ловко скрывал свои растраты. Посему Фуке является недобросовестным служебным лицом, который нажил за счет государства.

В назначенный день король пожаловал со своей свитой в имение Фуке и с нескрываемым интересом осмотрел дворец. Особенно он был ошеломлен надписью на фронтоне дворца: «Чего я еще не достигну?» или, как вариант: «Куда я еще не взберусь?»

Да, как сказал великий писатель: лучше бы Фуке полоснул себя бритвой по горлу! Но Людовик обладал колоссальной выдержкой, поэтому ни один мускул не дрогнул на его лице. Он ничем не выразил своих чувств, но спустя месяц над Фуке начался судебный процесс о хищениях. Суд приговорил Фуке к смертной казни, однако Людовик милостиво заменил приговор вечной тюрьмой. Кстати, арестовал Николя Фуке по приказу короля заместитель лейтенанта мушкетеров Шарль де Бац де Кастельмор, граф д'Артаньян. Можно просто – д'Артаньян. Александр Дюма в своем романе описал его жизнь, полную приключений, которая протекала при дворе Людовика XIII. Но настоящий д'Артаньян служил при дворе Людовика XIV, то есть почти столетия спустя, и не имел никакого отношения к тем подвигам, которые описал Дюма.

После судебного процесса Фуке угодил в тюрьму, где его три года охранял д'Артаньян. Все состояние Фуке отошло в королевскую казну, а вакантное место министра финансов – вы будете удивлены – занял тот самый Жан-Батист Кольбер, с таким рвением делавший проверку документов по министерству финансов. И поскольку эта история произошла до того, как было начато строительство Версаля, то теперь совершенно ясно, что именно впечатление от имения Фуке Во-ле-Виконт, которое поразило воображение короля своей роскошью, послужило толчком для создания Версаля. Во-ле-Виконт, построенный Фуке, в некотором смысле стал прообразом Версаля. А создатели имения Фуке в том же самом составе – Лево, Ленотр, Лебрен – очень потрудились, чтобы Версаль раз и навсегда затмил их предыдущий шедевр.

Когда-то еще отец Людовика, Людовик XIII, построил дворец, как тогда говорили, скромный, как сам король. Этот дворец был скорее подсобным строением, чем жилищем. Здесь было убежище Людовика XIII от дворцовой кутерьмы, сюда удалялся этот меланхоличный отшельник, покидая двор и всю его пышность, обретая лишь здесь мир и покой. Решив строить новый дворец, Людовик XIV за основу взял именно этот охотничий домик отца, сохранив в неприкосновенности старый замок, несмотря на то, что архитекторы уговаривали его снести. Людовик XIV, не менее своего отца любивший охоту, возвел здесь два крыла со стороны переднего двора, построил конюшни и службы. Но главным образом все заботы его были посвящены парку.

Создание Версаля началось именно с создания удивительного паркового ансамбля, и лишь затем началось строительство самого дворца. Несмотря на то, что Версаль возводился огромной армией строителей и архитекторов, над ними всегда доминировала воля короля, которая направляла, утверждала проекты или же заставляла ломать сделанное и начинать все заново. Как это было в случае с Трианоном, когда старое здание фарфорового Трианона было снесено, а на его месте построен мраморный Трианон.

Людовик почти всю свою жизнь строил и перестраивал Версаль, дышал пылью его стройки. В нетерпении окончания строительства, а также чтобы быть в курсе всего того, что здесь происходит, он даже велел поставить специальный навес в непосредственной близости с дворцом, где сидел, подписывая бумаги и работая с документами. Он строил Версаль всю жизнь, делал этот обстоятельно, как следует и даже не успел по-настоящему насладиться своим

дворцом, потому что Людовик, практичный и дальновидный, конечно же, строил его не для себя, а – после себя. Это был его дар наследникам.

Людовик XIV был очень общительным. Но его высказывание о том, что любой книге он предпочитает живое человеческое общение, вовсе не значит, что Людовик не любил читать. У него была прекрасная библиотека, он ее собирал в течение всей своей жизни и очень гордился ею. И все-таки поговорить Людовик любил. Особенно он стал увлекаться беседами во второй половине своей жизни, когда на смену бушующим страстям пришла умеренность, набожность и острая необходимость в духовной пище. Со своей второй женой, мадам де Ментенон, некоронованной королевой, Людовик мог говорить часами. Иногда их беседы особенно затягивались. Мадам де Севинье ворчливо вспоминала, что их беседы были так длинны, что могли кого угодно довести до галлюцинации. Возможно, мадам де Ментенон была именно той женщиной, которую Людовик искал всю жизнь, и именно поэтому они, находясь вдвоем, не замечали, как быстро бежит время.

Людовик XIV был удивительным королем. Мало кто из монархов настолько серьезно и ответственно подходил к королевской работе. До последней минуты жизни он исполнял свои обязанности, больше всего заботясь о своем преемнике. Увы, по прямой линии все его наследники умерли. И горячо любимый сын, и внук, а также еще целый ряд смертей в семействе Бурбонов унес талантливых и достойных претендентов на французскую корону. Словно какой-то грозный рок навис над их родом. С тяжелым сердцем уходил король, оставляя корону еще совсем младенцу, заранее переживая, что за этим неизбежно последуют долгие годы регентства.

Но час пробил, и врачи со скорбью сообщили Людовику, что дни его сочтены. Тогда он, не теряя самообладания и выдержки, поторопился привести в порядок все дела, чтобы передать их в руки тех, кто останется после него. Он умирал мучительно, но, преодолевая боль, заставил себя встретиться и проститься со всеми своими ближайшими соратниками и друзьями. Тепло и по-доброму он простился и со своими слугами. Увидев их в слезах, он сказал: «Почему вы плачете? Вы думали, что я бессмертен? Я так о себе никогда не думал, и вы должны были давно быть готовы меня потерять, учитывая мой возраст».

Наконец настало время позвать к нему его единственного наследника престола, его правнука. Наследнику было в то время пять с половиной лет. Людовик поцеловал его и сказал: «Мой дорогой малыш, вы станете великим королем, но счастье ваше будет зависеть от того, как вы будете повиноваться воле Господа и как вы будете стараться облегчить участь ваших подданных. Для этого нужно, чтобы вы избегали, как могли, войны: войны – это разорение народов. Не следуйте моим плохим примерам, я часто начинал войны слишком легкомысленно и продолжал их вести из тщеславия. Не подражайте мне и будьте миролюбивым королем, и пусть облегчение участи ваших подданных будет вашей главной заботой».

Трудно сказать, насколько откровенен был король в этой своей торжественной речи, но то, что даже в последние минуты он не переставал думать о судьбе своего государства, нет никаких сомнений. В течение 72 лет он занимал королевский трон и 50 лет был у власти. Все это время он легко и уверенно правил Францией и, возможно, не был бы великим королем, если бы он не был прекрасным актером. Он с блеском от начала до конца провел свою роль в этом мире и сделал все, чтобы эта роль стала незабываемой.

Людовик никогда не произносил фразу: «Государство – это я». Перед смертью он сказал другое: «Я ухожу, но государство будет жить всегда».

Моцарт

Город, в котором родился великий Моцарт, – Зальцбург. С самого рождения он был слабым, часто болел, и то, что ему удалось выжить, уже было чудом, ведь все предыдущие дети в семье, – а их было семеро, – умирали в младенческом возрасте. Вольфганг Амадей был седьмым мальчиком, которому посчастливилось выжить, но кроме него была еще девочка – Мария Анна, его старшая сестра, которую в семье ласково звали Нанерль. На протяжении всей жизни между ними была нежнейшая дружба, которая не прервалась, когда Вольфганг навсегда покинул родной город и поселился в Вене. Их общение продолжалось в письмах, которые Вольфганг отсылал в Зальцбург с почтовой каретой. В детстве же они были неразлучны, и даже любовь к музыке Вольфганга в столь раннем возрасте проявилась благодаря сестре, которую начали обучать музыке раньше него.

Леопольд Моцарт был в Зальцбурге довольно известным музыкантом и занимал должность композитора при Зальцбургском дворе. Это было очень высокое положение, но денег приносило ничтожно мало: музыканты в то время были наравне со слугами. Их предназначение было – служить и угождать знатым господам. И все же скромная жизнь не мешала семье Моцартов быть счастливой и дружной. Отца и мать Вольфганга называли самой красивой парой Зальцбурга, их дочь Нанерль тоже была очаровательным ребенком, и вот только Вольфганга бог не наградил красотой. Зато он был необычайно подвижным, жизнелюбивым мальчуганом, и те, кто хорошо его знал, вспоминали о нем как об обаятельном ребенке с живым умом и веселым нравом.

Леопольд Моцарт коллекционировал музыкальные инструменты, в их семье были и клавиесин, и клавикорды. Клавикорды напоминали маленькое пианино, с той лишь разницей, что их октавный диапазон был меньше, а звук слабее. К тому времени было изобретено фортепьяно, или, как тогда его называли, пианофорте. Инструмент был так назван, потому что мог воспроизводить не только мягкие звуки (*piano*), но и громкие (*forte*). Тогда это был очень дорогостоящий инструмент, и далеко не всякий музыкант мог его приобрести. Леопольд научил своих детей играть на всех имеющихся в доме инструментах и приложил много сил, чтобы сделать из них первоклассных музыкантов.

Вначале внимание его было приковано к Нанерль, сестре Вольфганга, которая была старше брата на пять лет. Нанерль ежедневно занималась музыкой, и было очевидно, что со временем она станет превосходной музыкантшей. Непоседливый и любопытный Вольфганг стал подсаживаться к сестре и мешал ей, подбирая созвучия. Ему еще не было и трех лет, когда Леопольд заметил, насколько талантлив сын, и немедленно приступил к его обучению. А в четыре года Вольфганг уже начал пробовать сочинять музыку.

В шесть лет, когда обычные дети только начинают учиться музыке, Вольфганг был законченным музыкантом. В то время музыкант должен был проявить себя как исполнитель, и Леопольд Моцарт решил показать своих чудо-детей музыкальному миру, главным образом Вольфганга. И их удивительное и невероятное странствие по Европе, которое, с перерывами, продолжалось около десяти лет, началось. Сначала отец повез их в Мюнхен, затем в Вену, что было важнее. При самых невероятных надеждах успех превзошел все ожидания. Моцарт со своими гениальными детьми был воспринят как сенсация. Он привез их в Шенбрунн, где они давали концерт для императорской семьи, и император с императрицей не могли надвинуться этому маленькому мальчику, обращаясь с Вольфгангом словно с «чародеем». Рассказывают, после концерта Вольфганг подбежал к Марии Терезии, и она посадила его к себе на колени и расцеловала. А дочь Марии Терезии, красавица эрцгерцогиня Мария Антуанетта, которая подняла мальчика, поскользнувшегося на паркете, так очаровала его, что он пообещал на ней жениться.

Везде Моцартам оказывался пышный прием. От Вольфганга без ума были все придворные дамы. Они наперебой расхваливали его, осыпали ласками, поцелуями, преподносили дорогие подарки и баловали. Из Вены семейство направилось в Париж, и здесь триумф продолжился. Король пригласил их в Версаль, а маркиза де Помпадур лично пожелала познакомиться с маленьким гением. Говорят, она даже держала Моцарта на руках. После Парижа семья направилась в Лондон, и здесь успех был столь же шумным, что и в Европе. Путешествие растянулось на три года, после чего Моцарт с детьми вернулся в Зальцбург, и Вольфганг продолжил обучение музыке, хотя, как говорил Леопольд, в свои восемь лет он знал больше, чем иные в сорок. Он уже начал сочинять симфонии, а в десять лет сочинил ораторию¹.

На глазах изумленной публики гениальный ребенок творил чудеса. Иногда это выглядело просто как цирковой фокус! Например, Вольфганг умел играть на клавикордах, клавиши которых покрыты кусочком ткани. Но от восторженных воспоминаний его папеньки часто щемит сердце, когда представляешь себе, как ребенок выполнял эти сложнейшие трюки. Однажды при большом скоплении людей в доказательство того, что Вольфганг пишет оперы без чьей-либо помощи, Леопольд велел принести том сочинений либретто Метастазियो. Открыв книгу, он дал первую же арию Вольфгангу. Тот послушно схватил перо и с удивительной скоростью стал писать музыку для оркестра с множеством инструментов. Какой титанический труд для маленького мальчика! Даже если он гениальный. И таких сцен было предостаточно.

Конечно, отца можно понять – он хотел сделать из сына великого музыканта. Но какой ценой... Ребенок, довольно слабый здоровьем, переезжал с отцом и сестрой из города в город, и его показывали публике, как диковинную зверушку. При этом нужно напомнить, что путешествовать в XVIII веке было делом нелегким, а иногда и опасным. Запросто можно было наткнуться на шайку разбойников или грабителей. А так как дороги были в ужасном состоянии, то ехали медленно, особенно в плохую погоду. Почтовая карета совсем не защищала от дождя, он легко проникал через ставни, не говоря уже о ледяном ветре, который насквозь продувал карету. Никаких приспособлений для обогрева не существовало, и зимой в карете было особенно холодно. Переезд из одного города в другой длился по несколько недель, а жесткие, неудобные сиденья превращали поездки в пытку. Часто концерты приходилось давать сразу по приезде, не дав детям как следует отдохнуть. Леопольд Моцарт не скрывал, что хочет заработать денег для обучения детей музыке, однако он верил и в свою особую миссию и с фанатическим усердием ее осуществлял.

После года пребывания в Зальцбурге Моцарт-отец предпринял еще одну поездку с детьми, но к тому времени они выросли, и того ошеломляющего эффекта, который производили своими концертами, уже не было. Но если иногда детская гениальность проходит, то с Вольфгангом Моцартом было все наоборот: с возрастом его талант только усиливался. Создавалось ощущение, что музыка потоками обрушивалась на него, и ему оставалось только ее записывать. Процесс так захватывал Вольфганга, что он не мог отвлекаться ни на что другое. В письме к сестре Нанерль он пишет: «Я не могу тебе много писать, потому что все мои мысли только о моей опере, и есть опасность написать тебе вместо слов... арию».

В этот раз, посетив Вену, Вольфганг Моцарт получил от императора Франца I заказ на сочинение оперы. В то время ему было одиннадцать лет, и он уже написал свою первую оперу. Поэтому с величайшим энтузиазмом принялся выполнять заказ императора.

Следующая поездка была в Италию, и здесь их ждал феерический успех, юный Вольфганг стал потрясением для итальянцев. Его выступления собирали такое огромное число слушателей, что к месту концертов приходилось прокладывать дорогу силой. Моцарту было уже четырнадцать, когда его опера «Луций Сулла» была поставлена в Милане. В Италии он поста-

¹ Оратория – крупное музыкально-драматическое произведение для хора, певцов-солистов и оркестра.

вил еще две своих оперы. Этот период был временем увлечения Моцарта великими итальянскими композиторами. После очередного триумфа семья вернется в Зальцбург.

На этом трудное, но счастливое время для Вольфганга закончится. Дальнейшая его жизнь будет полна лишений и испытаний. Моцарт, молодой и уже известный всей Европе композитор, к обычной жизни был исключительно не приспособлен. И если начинал он музыкальную карьеру под опекой отца, который умел разрешать все его финансовые вопросы, то, вырвавшись на волю из родительского дома, оказался абсолютно беспомощен. К тому же он совсем и не умел «делать деньги». И то редкое благополучие, которое иногда вдруг наступало, на деле было лишь кратковременным эпизодом.

Самостоятельный путь Моцарта начался с того, что он был самым бесцеремонным образом выгнан со службы Зальцбургским архиепископом. В письме к отцу Вольфганг писал: «Архиепископ... обошелся со мной как с уличным мальчишкой... Вместо того, чтобы принять мое прошение, или же помочь мне получить аудиенцию, или уговорить меня оставить все как есть, граф Арко меня под зад коленом выкидывает за дверь. По-немецки это значит, что в Зальцбурге мне делать больше нечего; разве что при случае так же дать г-ну графу под зад коленом, хотя бы и посреди улицы...»

Наверное, этот эпизод надолго бы поверг Моцарта в тяжкое уныние, не обладай он отменным чувством юмора. Он поселился в Вене и весело писал отцу: «Счастье мое начинается только теперь». Его характер соединял в себе детскую мечтательность, романтизм и благородство с неуемной жадой получать удовольствия от жизни. Он одинаково любил грубые вульгарные пирушки с отпетыми гуляками ночь напролет и светские приемы в благородных семействах. Он всецело отдавался веселью, а потом трудился до седьмого пота. Иногда ироничный, иногда грубоватый, а иногда вдруг трепетный и вдохновенный, Моцарт только в одном был неизменен – в одержимости к музыке. Здесь невозможна была пошлость и безвкусица, и тут он решал все сам – от либретто до подбора музыкантов и певцов.

Основные его сочинения появились на свет именно в этот период, когда он окончательно поселился в Вене. «Женитьба Фигаро», «Дон Жуан», «Волшебная флейта» – все самые гениальные оперы. Но была еще камерная музыка, музыка для фортепьяно и пьесы для оркестра. В целом около шестисот произведений. Моцарт сочинял музыку всегда и везде. Она его переполняла, занимала все его мысли. Встречался ли он с друзьями или уезжал за город, пытаясь отвлечься, – музыка следовала за ним. Его друзья и близкие знали: независимо от того, чем он занят, в любую минуту мог вскочить и, схватив первый же попавшийся под руку лист бумаги, начать лихорадочно записывать ноты.

Это время было удивительно по количеству музыкальных гениев. Гендель, Глюк, Гайдн. Гайдн восторженно относился к своему юному собрату, он обожал музыку Моцарта и часто приезжал в Вену, чтобы с ним пообщаться. Их связывали особо теплые и дружеские отношения, и Моцарт считал Гайдна своим учителем. В это же время впервые зазвучало и имя Бетховена, совсем юного музыканта, делающего свои первые шаги. Людвиг Бетховен был очарован музыкой Моцарта. И тут необходимо привести странную встречу этих двух великих композиторов. Бетховен, боготворивший Моцарта, мечтал брать у него уроки музыки. Этот робкий, довольно замкнутый, мрачноватого вида шестнадцатилетний юноша разыскал Моцарта и попросил его прослушать. Почему-то Моцарт, всегда и всем с огромным желанием помогавший, живо откликающийся на просьбы помочь или посодействовать, особенно начинающим музыкантам, на просьбу Бетховена давать ему уроки наотрез отказался, чем безумно его огорчил. И тем не менее, выйдя в соседнюю комнату, где сидели его друзья, Моцарт сказал им: «Запомните имя этого молодого человека, когда-нибудь о нем узнает весь мир!»

Но в сознании не укладывается, что большая часть музыкальных сочинений Моцарта вообще никогда не была оплачена. И если бы его не окружали черствые, равнодушные люди, жизнь его могла бы сложиться совсем по-другому. Ведь нужда буквально захлестывала его

семью. Случалось, что им просто нечего было есть и не на что купить дров, чтобы растопить печь.

Один из друзей Моцарта вспоминал, как однажды зашел к нему и увидел такую сцену. Моцарт со своей женой Констанцией танцевали, тесно прижавшись друг к другу. Оказывается, в доме было настолько холодно, что, танцуя, они пытались хоть немного согреться.

Женившись на Констанции Вебер, Вольфганг обрел подругу, с которой был счастлив до конца дней. И, несмотря на постоянное безденежье, никогда никому не завидовал. Он писал отцу: «...наше богатство умирает вместе с нами, ибо оно у нас в голове, и его не может отнять у нас ни один человек, разве что нам не отсекут голову, а тогда нам больше ничего и не нужно».

Сегодня рассказ о нищете Моцарта выглядит неубедительным и почти выдуманным. Но правда заключается в том, что два столетия назад маленький, бледный и худой человек в плохой одежде метался в поисках работы и денег, совсем небольших денег, чтобы прокормить семью, не говоря уже о себе, и везде встречал холодное равнодушие.

Никто не помог ему тогда – ни в Мюнхене, ни в Мангейме, ни в Париже, ни в Вене. Да, в Вене, где сегодня на каждом шагу звучит его музыка, два столетия назад перед ним двери всех домов были закрыты, Вена была глуха и равнодушна.

В свои тридцать с небольшим он выглядел стариком. Дома его ждала вечно больная жена, а дети один за другим умирали. Из шести детей, рожденных Констанцией, в живых остались двое. Моцарт нежно любил жену и беспокоился о ее здоровье. А ей постоянно требовались деньги на лечение. Моцарт изо всех сил старался заработать на лечение, но это у него плохо получалось. Семья задыхалась от безденежья. Заказы при императорском дворе могли бы ему хоть как-то помочь, но при дворе место главного музыканта было занято итальянцем Сальери, фаворитом императора. Музыка Моцарта не обладала легкой развлекательностью, какой была итальянская, столь популярная в то время. Числясь придворным музыкантом, Моцарт получал мизерную плату, едва сводя концы с концами.

Беспрерывная мгла, отчаяние и болезни – вот реальность его жизни. Но бог наградил его такой силой духа и таким безмерным талантом, что в этом бесконечном голодном кошмаре Моцарт творил свою реальность, которая давала ему силы жить. Эта реальность – его музыка. Она удивительна. Стоит ей возникнуть, как она мгновенно заполняет собой все пространство. В ней такая жажда жизни и такой накал страсти, что ее физически ощущаешь. Моцарт вложил в нее всю свою силу и ничего не оставил себе для борьбы за выживание.

Ходят многочисленные легенды о смерти Моцарта. Согласно одной из них его отравил Сальери. Поразительно то, что эта версия родилась главным образом со слов самого Сальери. До его признания она не рассматривалась вовсе. Известно, что Сальери перед кончиной сознался, будто бы это он отравил Моцарта. К сожалению, те, кто ссылаются на это признание, опускают одну важную деталь. К тому времени семидесятилетний Сальери полностью лишился рассудка. Можно ли принимать на веру слова сумасшедшего? Ведь хорошо известно, что при жизни Моцарта Сальери много помогал ему.

Пушкин сказал, что «гений и злодейство – две вещи несовместные». На эту тему можно поспорить. Но насчет отравителя Сальери – нет доказательств этого убийства. Напротив, есть общеизвестные факты, зафиксированные в письмах и документах, из которых можно сделать только один вывод – Сальери безжалостно оклеветали. Например, такой факт. Моцарт сочинил три свои последние величайшие симфонии – «№39», «№40» и «№41», но при жизни исполнялась только симфония «№40» – одна из самых известных. Почему же так редко вспоминают, что впервые она была исполнена в Вене, сразу же после написания, под управлением Антонио Сальери? Он буквально выхватил из рук Моцарта партитуру этой симфонии, едва она была написана. Потому что он один из первых понял, насколько гениален Моцарт.

Да, отношения между ними были лишены какой-либо сентиментальности, скорее настоя- роженные, но всегда были корректными, при полном взаимном уважении. Зная, какое положе-

ние, занимал Сальери при императорском дворе, трудно себе представить, чтобы он помогал Моцарту по принуждению. А он действительно очень много ему помогал. При дворе императора Сальери был вне конкуренции, он был обласкан, обожаем, востребован. Моцарт никогда не стоял у него на пути.

То, что Сальери действительно искренне восхищался Моцартом, подтверждается и письмами самого Моцарта. Так, он писал Констанции, что Сальери присутствовал на его опере «Волшебная флейта» и восторженно хвалил ее. Это особенно важно, потому что в то время мало кто из музыкантов оценил музыку Моцарта по достоинству. Сальери один из первых сумел понять, насколько гениален Моцарт, и открыто его поддерживал.

И другой, косвенный, но факт. Бетховен обожал музыку Моцарта до такой степени, что в начальный период своего творчества находился под большим ее влиянием. После смерти Моцарта он учился у Сальери и глубоко любил и уважал своего учителя. Впоследствии, когда Бетховен стал известным композитором, он был в числе тех, кто с негодованием опровергал слухи, которые распускались по поводу причастности Сальери к смерти Моцарта. Он называл эти слухи полным абсурдом и ни минуты не сомневался в невиновности Сальери. А ведь Бетховен тоже был великим композитором, почему же Сальери не завидовал ему, занимаясь с ним с огромным усердием? Вот поэтому нет никаких сомнений в том, что Сальери всегда был на стороне Моцарта.

Если уж говорить откровенно, то в жизни Моцарта была куда более неприятная история. И связана она с его учеником, которого он обучал композиции, – Францем Ксавером Зюсмайером. Тем самым, который, пользуясь черновиками Моцарта, закончил его «Реквием» и которому некоторые остроумные современные исследователи целиком приписали авторство, чего он не отрицал. Обучаясь музыке у Моцарта, Зюсмайер успевал и ухаживать за его женой Констанцией, сопровождая ее в поездках в Баден, где она постоянно лечилась. За полгода до смерти Моцарта Констанция родила сына, которого она назвала Францем Ксавером – также, как Зюсмайера. В Бадене она находилась и после рождения ребенка, а приехала в Вену лишь за две недели до смерти Моцарта.

Несомненно, смерть мужа потрясла Констанцию, и какое-то время она не могла оправиться от этого потрясения. Но мало-помалу вернулась к нормальной жизни и, несмотря на свое хрупкое здоровье, пережила Моцарта... на 40 лет. Даже успела еще раз выйти замуж за датского дипломата. Впоследствии, издавая письма Моцарта, Констанция изрядно потрудилась, вымарывая те места, которые ее компрометировали. Она целиком изъела все, что касалось ее отношений с Зюсмайером. А ребенка, названного в честь своего любовника Францем Ксавером, после смерти Моцарта, когда Зюсмайер коварно ее покинул, переименовала в Вольфганга Амадея. Так что все концы в воду. Можно ли после всего этого говорить о коварстве Сальери, когда близкие люди поступали с ним подло и бесчестно? И если и есть кто-то, кто виновен в смерти Моцарта, то это совсем не Сальери.

Наступит ли когда-нибудь то время, когда люди перестанут видеть в смерти Моцарта убийство? Скорее всего, никогда. Потому что любая смерть великого человека в молодом возрасте всегда воспринимается как вопиющая несправедливость и, в конце концов, как убийство.

Незадолго до кончины Моцарта к нему пришел незнакомец и передал анонимное письмо, в котором неизвестный попросил его написать «Реквием». Эта таинственная история произвела на чувствительного Моцарта огромное впечатление, хотя историками уже доказано, что анонимом был абсолютно конкретный человек. Но Моцарту, в то время уже сильно страдающему от сильнейших болей (у него было наследственное заболевание почек), привиделся в этом знак скорой смерти. С того времени мысль эта его не покидала. Он принялся писать «Реквием» в полной уверенности, что пишет его для себя. Между тем он слабел и слабел. Моцарт постоянно говорил о том, что его отравили. В самый день смерти он позвал своего ученика и объявил ему планы насчет окончания «Реквиема». Наконец, впал в бессознательное

состояние, но и в бреду, до последней своей минуты он напевал и продолжал говорить о «Реквиеме»...

Когда Моцарта не стало, скудных средств едва хватило, чтобы похоронить его по третьему разряду, как бедняка. Его жена Констанция, сказавшись больною, на кладбище не пошла. Декабрьский день был промозглым и ветреным, и те немногие, что пришли с ним проститься, до кладбища не дошли и разбрелись по домам. Тело Моцарта без гроба опустили в общую могилу и даже не поставили над ним креста. Констанция пришла на кладбище только... через 16 лет и не смогла отыскать могилу мужа. Место, где похоронен Моцарт, навсегда осталось неизвестным. Он прожил 35 лет, 10 месяцев, 1 неделю и 5 часов.

Ирландский лжец

«Ковент-Гарден. 11.15 вечера. Лето. Проливной дождь. Со всех сторон отчаянные гудки автомобилей». Так начинается пьеса Бернарда Шоу «Пигмалион».

Место действия пьесы выбрано не случайно. Ковент-Гарден всегда считался символом безупречного английского вкуса и мастерства, а для Бернарда Шоу в этом существовал и собственный смысл. Писательскую карьеру он начинал как музыкальный критик. Опера была его первой страстью, любовь к театру пришла позже.

Этому способствовала чрезвычайно музыкальная атмосфера в их семье. Отец был артистичен, играл на тромбоне, мать великолепно пела. Как вспоминал Бернард Шоу, у нее было меццо-сопрано «замечательной чистоты», к тому же она аккомпанировала себе на рояле. Одна его тетка играла на арфе, другая на виолончели, сестра обладала прекрасным голосом и была оперной певицей.

Но отец рано их оставил, и Элизабет Шоу, чтобы поддерживать семью, приходилось давать уроки пения, и в их доме постоянно звучали арии из опер. Стоит ли удивляться, что к пятнадцати годам Бернард Шоу знал всех великих: от Генделя и Бетховена до Верди и Гуно.

Бернард Шоу вспоминал, что все свое детство пел, как птица, и удивлялся, как при этом ухитрился не сорвать себе голос. И все же он не мог не признать, что главный интерес у него был к характерам персонажей и сюжетной интриге, музыка всегда оставалась на втором месте.

Поначалу он решил стать оперным певцом и упросил мать учить его пению. Впоследствии она признавалась, что пока он выводил свои оглушительные рулады, выходила в соседнюю комнату поплакать. Такое признание сильно рассердило Бернарда Шоу, он расценил это как малодушие и предательство. Одним словом, певца из него не вышло, но знание предмета изнутри давало ему возможность нещадно критиковать других.

Кстати, критическое восприятие вокального искусства прививалось ему с детства. Однажды учитель пения повел его в театр на оперу «Трубадур». Во второй картине действия мальчика крайне удивил голос за сценой – это Манрико пел свою серенаду, и он спросил учителя: «Что это такое?» Учитель ядовито прокомментировал: «Свинья в подворотне!» Лаконизм и резкость оценки попали на благодатную почву, два раза повторять не пришлось, ученик отлично усвоил урок. Когда впоследствии он стал известным музыкальным критиком, ему не составляло никакого труда едко высмеивать оперных певцов, никому не давая спуска. Он придирался к любой мелочи, обращая внимание не только на вокальные данные, но и на актерское мастерство. Авторитет при этом не имел никакого значения, в своем желании навести порядок в опере Шоу был беспощаден даже к своим родственникам.

Однажды досталось его сестре, оперной певице, а за компанию и ее мужу, партнеру на сцене. Вот что он написал о своем зяте: «Я не сомневаюсь, что сам по себе тенор – молодой красавец, но тут у него была внешность раздобревшего херувима; было видно, что он с нетерпением ждет, когда же смерть освободит его от роли Уайлдера». А о сестре отозвался так: «Наша Доротея... пела безо всякого напряжения... рождая тем самым скуку... К концу второго акта в зал ворвалась свора собак. Нужно полагать, их вела безумная надежда увидеть что-нибудь новенькое. Трудно удержаться от жалости, вспоминая, как они приуныли, разобравшись, что дают все ту же „Доротею“».

Его замечания, ехидные и оскорбительные, тем не менее были остры и искренни. Но однажды, стоя за кулисами, он увидел молодого итальянского тенора, проходившего мимо него со сцены, который по-простецки смачно плюнул в сторону молодых артисток. Этот варварский поступок настолько возмутил Бернарда Шоу, что он разочаровался в опере раз и навсегда.

За несколько лет работы музыкальным критиком он ни разу не поддавался мнению авторитетов, безжалостно высмеивал устаревшие традиции оперной сцены, поэтому неудивительно, что в дальнейшем никогда не пользовался гостеприимством «Ковент-Гардена».

В конце концов карьера музыкального критика ему надоела, и он начал искать утешения в драматическом театре. Обаяние, острый ум, умение взять нужный тон сразу поставили его в разряд выдающихся театральных критиков. Его рецензии имели несколько достоинств. Они легко читались, стиль был ни на кого не похож, и в них были смелые, откровенные суждения.

Постепенно, погружаясь в атмосферу театра, он попробовал сочинять собственные пьесы, однако признание они получили не сразу, путь к славе был долгим.

Импульс к написанию новой пьесы у Бернарда Шоу часто шел от образа, от индивидуальности актера. Одно время вдохновением ему служила знаменитая английская актриса Эллен Терри. Но однажды в «Гамлете» увидел актрису Стеллу Патрик Кэмпбелл в роли Офелии, и она произвела на него сильнейшее впечатление. Специально для нее он задумал написать пьесу «Пигмалион», правда, писал ее несколько лет. Но все это время миссис Кэмпбелл не терял из виду.

Он внимательно следил за ее творчеством, расточал бесчисленные похвалы даже тогда, когда все в один голос ее ругали, и все же до поры до времени знакомство их оставалось заочным. Поэтому, предложив ей свою новую пьесу, Бернард Шоу абсолютно не представлял, чем это для него обернется.

«Он вест-эндский джентльмен, она ист-эндская дама в переднике и с тремя ярко-красными страусовыми перьями, прощелыга цветочница...» Но уговорить такую блестящую даму, как миссис Кэмпбелл, сыграть вульгарную кокни цветочницу в переднике и со страусовыми перьями было величайшей фантастикой. Миссис Пат к тому времени было 47 лет, а в пьесе цветочница молодая девушка, лет двадцати. Однако уговаривать миссис Кэмпбелл не пришлось, она недолго сопротивлялась. Умная, с большой долей самоиронии, она высокомерно поблагодарила Бернарда Шоу за оказанную честь и... пригласила к себе уладить деловую часть. После чего немедленно овладела ситуацией.

Из письма Бернарда Шоу: «Я торжественно клянусь, что, когда входил в ваш дом на Кенсингтон-сквер, я был тверд как кремль и уверен в своей неприступности. Но не прошло и тридцати секунд... Ах, Стелла, если бы в вас была хоть капля порядочности, всего этого не случилось бы. Ну где же мое достоинство? Ну где же мой разум? В мои-то годы... Слюнявый бред, полнейшее слабоумие». И одновременно с этим написал в своем дневнике: «Годы спали с меня, как ненужная одежда».

На момент встречи с Патрик Кэмпбелл ему было 56 лет, и она не на шутку вскружила ему голову. Как объяснял Бернард Шоу, он уже был достаточно стар, чтобы соображать, поэтому влюбился по уши. Но необходимо рассказать и о самой Стелле.

Ее матери было семнадцать, а отцу двадцать один год, когда они повстречались. Он не знал ни слова по-итальянски, она не говорила по-английски. Тем не менее молодые люди пылко полюбили друг друга и вскоре поженились. От этого брака родилось шестеро детей. Одну из девочек назвали Беатрисой Стеллой. *Stella Stellarum* – «звезда звезд», так называл ее впоследствии Шоу. От матери итальянки ей передалось своеобразное поэтическое мироощущение и чувство гармонии.

Стелла не получила никакого систематического образования. Если бы не ее любимый дядя Генри, она бы даже не знала толком английскую литературу. Это он подбирал для нее нужные книги для чтения, а потом они вместе обсуждали прочитанное. Стелла год пробыла в Париже у одной из своих теток, брала уроки музыки, посещала музеи, концерты, изучала французский язык, но с театральным творчеством никогда не соприкасалась. Возможно, еще и потому, что ее мать не любила английский театр.

Удивительно, но Стелла почти в точности повторила судьбу своей матери. В семнадцать лет вышла замуж и стала Стеллой Патрик Кэмпбелл. Это замужество не было удачным. У нее родились двое детишек – мальчик и девочка, однако ее муж, Патрик Кэмпбелл, был абсолютно не приспособленным к семейной жизни. Очень болезненный, постоянно без работы, он был плохим отцом для ее детей. В поисках работы даже отправился в Австралию, и вся тяжесть по воспитанию двух крошек легла на плечи двадцатилетней Стеллы. И тут оказалось, что эта хрупкая, романтическая девушка обладала огромной силой воли и негибким характером. Чтобы кормить детей и поддерживать мужа, она пошла на сцену, хотя родственники и знакомые ее отговаривали. А парижская тетка Кейт писала: «О, бедная Стелла, ты совершила безумный поступок!.. Тебя ждут стыд и унижение от того, что выставляешь себя на позор перед добропорядочными людьми».

Но незаурядное, оригинальное дарование стало очевидным сразу. В ее красоте было какое-то неповторимое, тревожащее обаяние; высокая, стройная, худая, с беспокойной грацией движений, она передавала чувства своих героинь с удивительной страстностью. «Когда я вышла впервые на сцену, то почувствовала, будто зрители очень далеко от меня и надо непременно дотянуться до них. Думаю, что это всегда главная задача для актера, и всем приходится так или иначе ее решать».

У нее не было профессиональной подготовки, и потому каждый спектакль требовал колоссального напряжения нервов и физических сил. От перенапряжения голосовых связок она даже потеряла голос, доведя себя до нервного истощения. Разговорный голос вскоре восстановился, но певческий так и не вернулся. Прошло больше пяти лет замужества, а от ее восторженности и легкомыслия не осталось и следа. В ней вдруг открылась большая сила внутреннего сопротивления невзгодам и упорство в их преодолении. Врожденный ум Стеллы раскрыл ее склонность к наблюдательности, к юмору, а подчас сарказму и помогал бороться с жизненными неприятностями. С годами неуравновешенный характер миссис Кэмпбелл, с дикими вспышками и неистовыми взрывами, превратился в легенду, которая тащилась вслед за ее славой, как шлейф.

В своих взглядах на жизнь она была и трагична, и смешна – неисправимая выдумщица, фантазерка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.